

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.05.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-6-104-118

Дата принятия рукописи в печать: 29.06.2026 г.

ЗОТОВ Кирилл Витальевич,
маг. юр. наук, аспирант 3 курса
кафедры конституционного и административного права
Санкт-Петербургского государственного
экономического университета,
e-mail: kirillvitzot@yandex.ru

СЕМЕЙНОСОХРАНИТЕЛЬНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ПОЛНОМОЧИЙ ОРГАНОВ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ПРЕДЕЛЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье исследуется семейносохранительная направленность полномочий органов опеки и попечительства в Российской Федерации как конституционно-правовое направление реализации публичной власти. Обосновывается, что органы опеки и попечительства не могут рассматриваться исключительно как административные, контрольные или разрешительные субъекты. Их деятельность имеет более сложную правовую природу, поскольку связана с реализацией позитивной обязанности государства по защите семьи, детства, достоинства личности, прав ребенка и иных лиц, находящихся в уязвимом положении. В центре исследования находится авторская модель российского стандарта семейносохранительной оценки наилучших интересов ребенка, включающая конституционно-правовой стандарт семейносохранительной политики, стандарт оценки наилучших интересов ребенка и стандарт мотивированного заключения органа опеки. Особое внимание уделяется пределам публичного вмешательства в семейную автономию, правовому пробелу промежуточной стадии семейного неблагополучия, критическому анализу зарубежных подходов и необходимости перехода от преимущественно реактивной модели защиты ребенка к поддерживающе-профилактической модели. Делается вывод о том, что семейносохранительная направленность полномочий органов опеки должна выражаться не в расширении административного усмотрения, а в юридической стандартизации оценки риска, проверке менее ограничительных мер, мотивированности заключений и судебной проверяемости решений, затрагивающих ребенка и семью.

Ключевые слова: органы опеки и попечительства, семейносохранительная политика, наилучшие интересы ребенка, публичная власть, мотивированное заключение, конституционное право, правовой стандарт.

ZOTOV Kirill,
Master of Law, 3rd-year postgraduate student,
Department of Constitutional and Administrative Law,
St. Petersburg State University of Economics

FAMILY-PRESERVING FOCUS OF THE POWERS OF GUARDIANSHIP AND TRUSTEESHIP AUTHORITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION: CONSTITUTIONAL AND LEGAL CONTENT AND LIMITS OF IMPLEMENTATION

Annotation. The article examines the family-protective orientation of the powers of guardianship and guardianship authorities in the Russian Federation as a constitutional and legal direction for the implementation of public authority. It is justified that guardianship and guardianship authorities cannot be considered exclusively as administrative, control or permitting entities. Their activities

have a more complex legal nature, since they are related to the implementation of the positive duty of the state to protect the family, childhood, dignity of the individual, the rights of the child and other persons in a vulnerable position. At the center of the study is the author's model of the Russian standard of family-protective assessment of the best interests of the child, including the constitutional-legal standard of family-protective policy, the standard for assessing the best interests of the child and the standard of the motivated conclusion of the guardianship authority. Particular attention is paid to the limits of public intervention in family autonomy, the legal gap in the intermediate stage of family disadvantage, a critical analysis of foreign approaches and the need to move from a predominantly reactive model of child protection to a supportive and preventive model. It is concluded that the family-preserving orientation of the powers of the guardianship authorities should not be expressed in expanding administrative discretion, but in legal standardization of risk assessment, verification of less restrictive measures, reasonableness of conclusions and judicial verifiability of decisions affecting the child and family.

Key words: guardianship and guardianship authorities, family protection policy, best interests of the child, public power, motivated opinion, constitutional law, legal standard.

Введение

Проблематика полномочий органов опеки и попечительства относится к числу тех правовых вопросов, в которых наиболее заметно проявляется практическое содержание конституционных характеристик Российского государства. Речь идет не только о реализации отдельных норм семейного, гражданского или административного законодательства, но и о способности публичной власти обеспечивать защиту тех лиц, которые объективно нуждаются в особой правовой охране. В этой сфере конституционные положения о достоинстве личности, социальном государстве, охране семьи, материнства, отцовства и детства, судебной защите и признании прав человека высшей ценностью приобретают непосредственное институциональное выражение.

Органы опеки и попечительства занимают в данной системе особое место. Полномочия органов опеки и попечительства затрагивают наиболее чувствительные сферы частной и семейной жизни: выявление детей, оставшихся без попечения родителей, участие в их семейном устройстве, обследование условий жизни, подготовку заключений для суда, контроль за опекунами и попечителями, защиту имущественных прав подопечных, принятие мер при непосредственной угрозе жизни или здоровью ребенка. Поэтому такие полномочия нельзя рассматривать как нейтральные административные действия. Их реализация способна повлиять не только на положение конкретного ребенка, но и на устойчивость семейной связи, пределы родительской автономии и доверие общества к публичной защите семьи.

Несмотря на разработанность отдельных вопросов защиты прав ребенка, профилактики социального сиротства, семейного устройства и межведомственного сопровождения, семейносохранительная направленность полномочий органов опеки пока не получила достаточного конституционно-правового оформления. В научном и

правоприменительном обороте используются близкие категории, однако они редко соединяются в единую правовую конструкцию, позволяющую определить действия органа опеки на стадии семейного неблагополучия, еще не достигшего уровня непосредственной угрозы жизни или здоровью ребенка либо судебного спора о родительских правах.

В этом проявляется один из ключевых дефектов действующей модели. Законодательство достаточно подробно регулирует ситуации, когда ребенок уже остался без попечения родителей, требуется установление опеки или попечительства, возникает судебный спор либо необходима экстренная мера защиты. Гораздо менее определенной остается промежуточная стадия устойчивого семейного риска, при которой ребенок еще находится в семье, непосредственная угроза может отсутствовать, но признаки неблагополучия уже способны привести к нарушению его прав, социальному сиротству или последующему судебному вмешательству.

Отсутствие юридически структурированного стандарта реагирования на этой стадии порождает две одинаково опасные крайности: запоздалое бездействие публичной власти и чрезмерное вмешательство в семейную автономию.

Актуальность темы усиливается новыми стратегическими ориентирами государственной политики. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 закрепляет сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей как направление государственной политики, связывая такие ценности, как жизнь, достоинство, права и свободы человека, крепкая семья, милосердие, справедливость, взаимопомощь и преемственность поколений, с национальным развитием и общественной устойчивостью [7]. В сфере опеки и попечительства эти ценности не могут оставаться декларативными. Их практическая реализация

предполагает такую деятельность органов публичной власти, которая одновременно защищает ребенка, поддерживает семью и ограничивает произвольное вмешательство в частную жизнь.

Особое значение имеет Концепция совершенствования деятельности органов опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 16.05.2025 № 1217-р [8]. Концепция указывает на необходимость изменения организационной структуры органов опеки, определения перечня полномочий, разработки типовых регламентов межведомственного взаимодействия, повышения квалификации специалистов, совершенствования информационного обеспечения. Принятие Концепции показывает, что проблемы деятельности органов опеки рассматриваются государством не как отдельные недостатки правоприменения, а как вопрос системной организации публичной защиты ребенка.

Масштаб проблемы подтверждается и статистикой. В 2024 году судами было рассмотрено 30 017 дел о лишении родительских прав и 6 060 дел об ограничении родительских прав [35]. Такие данные свидетельствуют о значительном объеме государственного вмешательства в сферу родительских прав и, соответственно, о необходимости более ясных стандартов доказывания, мотивировки и судебной проверки. При этом, по данным 2026 года, общая численность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, сократилась до 317 052 человек; за 2025 год было выявлено 34 678 таких детей [34]. Положительная динамика не снимает проблемы, поскольку социальное сиротство во многих случаях связано не с биологической утратой родителей, а с семейным кризисом, который мог быть предупрежден либо смягчен при более раннем и согласованном вмешательстве публичной власти.

Цель настоящей статьи состоит в обосновании семейносохранительной направленности полномочий органов опеки и попечительства как конституционно-правового стандарта реализации публичной власти, а также в разработке авторской модели российского стандарта семейносохранительной оценки наилучших интересов ребенка. Такой стандарт должен соединить ценностные основания конституционного права, доктринальные подходы к защите ребенка и семьи, международные ориентиры предотвращения ненужного разлучения ребенка с семьей, судебные требования к участию органов опеки и практическую необходимость мотивированного заключения, пригодного для судебной проверки.

Научная новизна исследования заключается в том, что семейносохранительная направлен-

ность полномочий органов опеки и попечительства рассматривается не как общий социально-политический ориентир и не как факультативная форма помощи семье, а как конституционно-правовой стандарт реализации публичных полномочий. В рамках данного подхода предлагается авторская конструкция российского стандарта семейносохранительной оценки наилучших интересов ребенка, объединяющая оценку фактического риска, проверку семейносохранительных альтернатив, мотивированное заключение органа опеки и судебную проверяемость мер, затрагивающих семейную автономию. Такой подход позволяет перенести дискуссию о деятельности органов опеки из плоскости общего описания полномочий в плоскость юридически проверяемых критериев их реализации.

Полномочия органов опеки и попечительства имеют межотраслевое правовое оформление, но их основание не может быть сведено к семейному или гражданскому законодательству. Конституционно-правовой характер этих полномочий проявляется в том, что через них государство реализует позитивную обязанность по защите ребенка и иных уязвимых лиц. Конституция Российской Федерации закрепляет признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина как обязанность государства, устанавливает охрану достоинства личности, гарантирует судебную защиту, а также определяет семью, материнство, отцовство и детство как находящиеся под защитой государства [1].

В сфере опеки и попечительства эти положения образуют не абстрактный фон, а юридическую рамку деятельности публичной власти. Ребенок не может самостоятельно обеспечить защиту своих прав в ситуации зависимости от родителей или иных законных представителей. Недееспособный или ограниченно дееспособный гражданин также нуждается в особых механизмах защиты. Следовательно, государство должно создавать институты, способные не только формально признавать права таких лиц, но и обеспечивать их практическую реализацию.

Федеральный закон № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» закрепляет задачи и полномочия органов опеки и попечительства, прежде всего в ст. 7 и 8 данного закона. К числу таких полномочий относятся выявление и учет граждан, нуждающихся в установлении опеки или попечительства, обращение в суд по вопросам дееспособности, установление опеки и попечительства, надзор за деятельностью опекунов и попечителей, выдача разрешений на совершение сделок с имуществом подопечных, представление интересов несовершеннолетних и недееспособных граждан, подбор и подготовка граждан, желающих принять ребенка

в семью [4]. Содержание этих полномочий показывает, что орган опеки не является только административным регистратором или контролером. Он действует на пересечении защиты личности, семейной политики, социальной помощи, судебной процедуры и имущественной охраны.

Данное положение должно рассматриваться во взаимосвязи со ст. 56 СК РФ, закрепляющей право ребенка на защиту своих прав и законных интересов, со ст. 57 СК РФ, предусматривающей право ребенка выражать свое мнение при решении вопросов, затрагивающих его интересы, а также со ст. 65 СК РФ, согласно которой родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей. В свою очередь, ст. 77 СК РФ определяет предельную меру немедленного отобрания ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а ст. 78 СК РФ закрепляет участие органа опеки и попечительства при рассмотрении судом споров, связанных с воспитанием детей. Поэтому семейносохранительная направленность полномочий органов опеки должна быть понята не как отрицание публичного вмешательства, а как требование к его обоснованности, своевременности и соразмерности.

Доктринальные основания семейносохранительной политики органов опеки и попечительства

В современной юридической науке накоплен значительный массив исследований, посвященных правовому положению ребенка, семейному воспитанию, опеке и попечительству, семейным формам устройства детей, судебной защите семейных прав.

Научная позиция А. М. Нечаевой имеет принципиальное значение для понимания ребенка как субъекта особой государственной охраны. В ее работах последовательно проводится мысль о том, что ребенок не может рассматриваться только как объект семейного воспитания или адресат родительской заботы; его правовое положение раскрывается через связь семьи, закона и государства, а защита детства требует не формального провозглашения прав, а создания реальных условий для становления личности [12, с. 18–27; 13]. Для настоящего исследования это означает, что семейносохранительная политика не может быть сведена к сохранению факта проживания ребенка с родителями. Правовое значение имеет такая семейная среда, в которой ребенок получает заботу, воспитание, эмоциональную устойчивость, безопасность и возможность развития.

Н. В. Летова, исследуя правовое положение и семейный статус ребенка, обосновывает самостоятельное значение ребенка как носителя субъективных прав, реализация которых зависит от поведения родителей, состояния семейной среды и эффективности публичных гарантий [17, с. 31–46; 18, с. 22–36].

Данный подход позволяет рассматривать изъятие ребенка из семьи не только как меру защиты, но и как существенное изменение его семейного статуса, затрагивающее привязанности, устойчивость жизненной среды, чувство принадлежности и перспективы развития. Поэтому решение о разлучении ребенка с родителями не может быть основано на общих ссылках на неблагополучие семьи; оно требует оценки того, каким образом разлучение повлияет на личность ребенка, его эмоциональные связи, образовательную и социальную среду. Семейносохранительная направленность полномочий органов опеки имеет смысл только как способ защиты права ребенка на безопасную и устойчивую семейную принадлежность и не должна превращаться в защиту интересов родителей за счет самого ребенка.

Концепция Л. Ю. Михеевой об опеке и попечительстве как социальной заботе позволяет преодолеть узкий взгляд на органы опеки как на административный механизм контроля [16, с. 9–23]. Социальная забота в правовом смысле предполагает выявление лица, нуждающегося в защите, организацию правовой и фактической помощи, контроль за эффективностью такой помощи и предупреждение злоупотреблений со стороны лиц, осуществляющих заботу. В таком понимании семейносохранительная политика является продолжением социальной природы опеки: орган опеки должен быть ориентирован не только на проверку формальных условий, но и на реальное положение ребенка, качество семейного ухода, возможность восстановления семейного ресурса и предотвращение ситуации, при которой ребенок становится социальным сиротой.

Н. Н. Тарусина, анализируя семейное право в контексте семейной автономии и судебного усмотрения, фактически ставит вопрос о пределах публичного вмешательства в сферу семейных отношений [22, с. 88–104; 23, с. 43–60]. Значимость ее подхода состоит в том, что семья не мыслится как полностью закрытая от государства сфера, поскольку внутри семьи могут нарушаться права ребенка, но и государственное вмешательство не может опираться на одну лишь административную целесообразность. В этом балансе семейносохранительный стандарт выполняет гарантийную функцию: он не расширяет усмотрение органа опеки, а делает такое усмотрение юридически проверяемым.

П. А. Якушев в исследованиях традиционных ценностей и судебной практики по спорам о детях показывает, что семейно-правовое регули-

рование не является ценностно нейтральным: в нем всегда присутствует представление о семье, родительстве, детстве, воспитании и допустимых пределах публичного вмешательства [20, с. 101–132; 21, с. 24–39]. Для настоящей статьи эта позиция особенно значима, поскольку традиционная ценность крепкой семьи не может пониматься как оправдание невмешательства в опасную семейную среду. Напротив, она предполагает обязанность публичной власти содействовать сохранению именно безопасной, ответственной и воспитательно состоятельной семьи.

Семейносохранительная направленность полномочий органов опеки и попечительства в этом смысле выступает не социальным пожеланием, а конституционно-правовой характеристикой публичной власти. Она предполагает одновременное соблюдение нескольких требований: защиты ребенка, признания ценности семейной среды, уважения достоинства личности и соразмерности вмешательства.

К сходным выводам приходит и зарубежная доктрина, хотя она одновременно показывает риски профилактической модели. Дж. Уолдфогель связывает эффективность child protection с переносом акцента с реакции на уже совершившееся нарушение на предупреждение семейных рисков [29, р. 195–210]. Х. Уэйд указывает на опасность разлучения семей в ситуациях бедности и жилищной нестабильности, когда социальная уязвимость родителей фактически подменяет вывод об их родительской несостоятельности [30, р. 869–921]. Д. Робертс, критикуя американскую систему child welfare, обращает внимание на риск превращения помощи семье в форму социального контроля, особенно в отношении бедных семей [31].

Эти позиции важны для российской модели, поскольку семейносохранительный стандарт должен одновременно усиливать раннюю помощь и защищать семью от произвольного вмешательства.

На этой доктринальной основе семейносохранительная политика органов опеки может быть определена как конституционно-правовое направление реализации публичных полномочий, выражающееся в раннем выявлении риска семейного неблагополучия, межведомственном сопровождении семьи, приоритете сохранения ребенка в безопасной семейной или родственной среде и применении более жестких мер вмешательства только при наличии доказанной необходимости, соразмерности и судебной проверяемости.

Реактивная модель действующего регулирования и правовой пробел промежуточной стадии семейного неблагополучия

Действующее законодательство содержит значительный набор средств защиты ребенка, однако структура этих средств во многом остается реактивной. Наиболее юридически определенные механизмы включаются тогда, когда семейный кризис уже перешел в состояние высокой правовой интенсивности. Речь идет о непосредственной угрозе жизни или здоровью ребенка, утрате родительского попечения, судебном споре о воспитании, лишении или ограничении родительских прав, устройстве ребенка в семью или организацию для детей-сирот.

Реактивность данной модели проявляется не в отсутствии полномочий у органов опеки, а в недостаточной нормативной определенности их действий до наступления крайней стадии семейного кризиса. Право достаточно подробно описывает ситуацию, когда ребенок уже остался без попечения родителей, когда требуется судебное разрешение спора или когда угроза жизни и здоровью стала непосредственной. Однако значительно менее разработан режим правового реагирования на устойчивый риск, при котором семья еще сохраняет воспитательный потенциал, но уже нуждается в профессиональном сопровождении и межведомственной поддержке. Именно этот разрыв между ранним риском и крайним вмешательством образует основной дефект действующей модели.

Статья 77 СК РФ предоставляет органу опеки право немедленно отобрать ребенка у родителей или иных лиц, на попечении которых он находится, при непосредственной угрозе его жизни или здоровью [2]. Эта норма имеет защитное значение и необходима в ситуациях, когда промедление может причинить ребенку непоправимый вред. Однако сама по себе она выражает предельную стадию вмешательства. Правовая система не должна быть устроена так, чтобы ребенок получал реальную защиту только тогда, когда угроза уже стала непосредственной.

Федеральный закон № 120-ФЗ регулирует профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, включая индивидуальную профилактическую работу с несовершеннолетними и семьями, находящимися в социально опасном положении [5]. Его значение для профилактической системы несомненно. Вместе с тем логика данного закона исторически связана с предупреждением безнадзорности, правонарушений и антиобщественного поведения. Семейносохранительная политика органов опеки имеет иной центр тяжести: она ориентирована на защиту ребенка в семейной среде, предупреждение социального сиротства и сохранение семейной связи при условии безопасности ребенка.

Федеральный закон № 124-ФЗ закрепляет основные гарантии прав ребенка, но также не формирует специального стандарта оценки семейносохранительных альтернатив при решении вопросов о вмешательстве в семейную автономию [6]. В результате общие гарантии прав ребенка существуют, но правоприменитель не всегда получает юридически оформленный алгоритм оценки риска, интересов ребенка и допустимости разлучения.

Пробел промежуточной стадии семейного неблагополучия проявляется в том, что между обычным семейным затруднением и непосредственной угрозой жизни или здоровью ребенка существует широкий спектр ситуаций, требующих профессиональной оценки. К таким ситуациям могут относиться длительное игнорирование образовательных потребностей ребенка, зависимость одного из родителей, конфликтная семейная среда, отсутствие устойчивого ухода, психологическое насилие, жилищная нестабильность, социальная изоляция семьи, повторяющиеся сигналы со стороны образовательных или медицинских организаций. На этой стадии семейный ресурс еще может быть восстановлен, однако отсутствие стандарта ранней оценки оставляет публичную власть между двумя крайностями: ожиданием дальнейшего ухудшения ситуации и чрезмерно резким вмешательством без проверки возможностей помощи.

Поэтому семейносохранительный стандарт должен иметь не декларативный, а юридико-прикладной характер. Он призван определить действия органа опеки в ситуации, когда семья уже находится в кризисе, но сохранение ребенка в безопасной семейной среде еще возможно. Такой подход позволяет соединить гуманистическую направленность защиты детства с правовой определенностью публичного вмешательства. Он не отменяет экстренного вмешательства при угрозе жизни и здоровью, но требует, чтобы до наступления такой угрозы публичная власть имела инструменты поддержки, сопровождения и контроля.

Судебная практика также подтверждает необходимость более качественной оценки. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 27.05.1998 № 10 разъяснил, что при рассмотрении споров, связанных с воспитанием детей, орган опеки и попечительства должен быть привлечен к участию в деле, провести обследование условий жизни ребенка и лиц, претендующих на его воспитание, представить акт обследования и заключение по существу спора [11]. Суд оценивает такое заключение в совокупности с другими доказательствами, однако фактически оно нередко оказывает значительное влияние на судебное решение. Если заключение носит

шаблонный характер, ограничивается описанием жилищно-бытовых условий и не содержит анализа рисков, привязанностей, мнения ребенка и альтернатив вмешательства, оно утрачивает гарантийное значение.

Верховный Суд РФ также указывает, что при определении места жительства ребенка должны учитываться возраст ребенка, его привязанность к родителям, братьям, сестрам и другим членам семьи, личные качества родителей, отношения между ребенком и каждым из родителей, возможность создания условий для воспитания и развития, причем преимущество в материально-бытовом положении одного из родителей само по себе не является безусловным основанием для удовлетворения требований [11]. Данная позиция содержит важный правовой ориентир: интересы ребенка не могут отождествляться с бытовым комфортом или экономическим преимуществом одного из родителей. Для органа опеки это означает необходимость содержательной оценки семейной ситуации, а не механического сопоставления жилищных и материальных условий.

Судебная статистика за 2024 год, отражающая значительное число дел о лишении и ограничении родительских прав, дополнительно подтверждает потребность в стандарте, который позволял бы разграничивать ситуации, требующие крайнего вмешательства, и случаи, где еще возможно семейносохранительное сопровождение [35]. Следовательно, проблема состоит не только в качестве работы отдельных специалистов, но и в самой архитектуре публичной защиты ребенка.

Такой подход согласуется с правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, который неоднократно рассматривал лишение родительских прав как крайнюю меру семейно-правовой ответственности. Ее применение предполагает наличие предусмотренных законом оснований, виновного поведения родителей и невозможность защитить права и интересы ребенка менее ограничительными средствами. То есть, если лишение родительских прав является крайней мерой, то орган опеки при подготовке заключения должен показать, какие менее ограничительные способы защиты ребенка оценивались и почему они признаны недостаточными.

Конституционно-правовое значение полномочий органов опеки и попечительства проявляется в том, что каждое из них одновременно содержит защитный и ограничительный потенциал. Выявление ребенка, нуждающегося в защите, направлено на реализацию позитивной обязанности государства по охране детства, однако при отсутствии фактических оснований может превратиться в необоснованное вторжение

в семейную жизнь. Обследование условий жизни ребенка необходимо для оценки его безопасности и развития, но не должно подменяться формальной проверкой бытового состояния семьи или субъективной оценкой образа жизни родителей. Заключение органа опеки для суда имеет гарантийное значение, поскольку помогает установить обстоятельства, связанные с положением ребенка, однако при шаблонном характере оно утрачивает правозащитную функцию и способно исказить судебную оценку. Экстренное отобрание ребенка оправдано только при наличии непосредственной и реальной угрозы его жизни или здоровью; за пределами такой угрозы оно создает риск несоразмерного вмешательства в семейную автономию. Контроль за опекунами и попечителями должен обеспечивать защиту прав подопечного, но не может превращаться в избыточное административное давление. Межведомственное сопровождение семьи, напротив, раскрывает наиболее перспективный семейносохранительный потенциал органов опеки, поскольку позволяет соединить юридическую защиту ребенка с социальной, медицинской, психологической и образовательной помощью семье.

Следовательно, семейносохранительная направленность не образует отдельного изолированного полномочия органа опеки. Она должна рассматриваться как способ реализации всей совокупности его полномочий. Выявление риска должно быть связано с последующей помощью, обследование – с уважением достоинства членов семьи, заключение – с доказательной мотивировкой, экстренное вмешательство – с высоким порогом необходимости, а межведомственное сопровождение – с персональной ответственностью и возможностью последующей судебной проверки.

Критическое значение зарубежных и международных подходов

Международный и зарубежный опыт полезен для разработки российского стандарта, однако его нельзя воспринимать как готовую модель для заимствования. Системы защиты детей формируются в разных конституционных, административных, социальных и культурных условиях. Для России особенно важно избежать механического переноса конструкций, которые могут быть восприняты обществом как усиление ювенального контроля. Значение сравнительного анализа состоит не в копировании институтов, а в выявлении функциональных элементов, способных укрепить российскую модель без разрушения ее правовой и культурной специфики.

Сравнительно-правовой материал в настоящем исследовании используется не как основание для институционального заимствования, а как

способ выявления повторяющихся правовых технологий, применимых в различных системах защиты ребенка. К числу таких технологий относятся ранняя оценка риска, план помощи семье, учет ресурсов родственной и семейной сети, межведомственная координация, регулярный пересмотр ситуации и мотивированное обоснование мер, связанных с разлучением ребенка с семьей.

Руководящие указания ООН по альтернативному уходу за детьми исходят из того, что семья является естественной средой роста, благополучия и защиты ребенка, а государства должны принимать меры, направленные на поддержку семейной заботы и предотвращение ненужного разлучения детей с родителями [24]. Для российской модели особенно значим принцип необходимости: ребенок не должен помещаться вне семьи, если его права и безопасность могут быть обеспечены путем поддержки родителей, родственников или иной семейной среды. Вместе с тем документ ООН имеет рамочный характер и не содержит детальной процедуры для органа опеки. Его значение состоит в ценностном и методологическом ориентире, но не в готовом административном регламенте.

Стратегия UNICEF по защите детей на 2021–2030 годы также исходит из профилактической логики. В документе подчеркивается необходимость предотвращать ненужное разлучение ребенка с семьей, прекращать институционализацию и укреплять семейные формы альтернативного ухода [25]. Этот подход важен тем, что профилактика рассматривается не как вспомогательная социальная мера, а как центральный компонент защиты ребенка. Однако глобальная стратегия UNICEF не учитывает российское распределение компетенции между органами опеки, комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав, органами социальной защиты, образования, здравоохранения и судами. Поэтому ее положения требуют адаптации через российскую систему публичной власти.

Английское руководство *Working Together to Safeguard Children 2026* представляет интерес благодаря соединению *child-centred approach* и *whole family focus* [26]. Такая модель исходит из того, что ребенок должен оставаться центром защиты, но оценка его положения невозможна без понимания всей семейной ситуации, включая потребности родителей, социальные факторы, экономические обстоятельства и ресурсы семейной сети. Для России полезна сама технология оценки: ребенок рассматривается не изолированно, но и не растворяется в интересах семьи. При этом английская система встроена в развитую модель социальной помощи детям и семьям, характеризуется высокой степенью бюрократиза-

ции и институциональной сложностью. Ее механическое заимствование могло бы усилить административный контроль без достаточного общественного доверия.

Американский Family First Prevention Services Act интересен тем, что федеральное регулирование стало связывать профилактические услуги с предотвращением помещения ребенка в foster care [27]. В центре такого подхода находятся услуги в сфере психического здоровья, лечения зависимостей, родительских навыков и поддержки семьи. Для российской модели ценна идея финансируемой профилактики до разлучения ребенка с семьей. Ограничение этого опыта состоит в том, что американская система child welfare существенно зависит от штатов, судебного контроля, рынка социальных услуг и foster care-модели. Российский стандарт не должен воспроизводить эту фрагментарность.

Критические работы зарубежных авторов также необходимы. Д. Робертс показывает, что система child welfare может становиться инструментом контроля над социально уязвимыми семьями [31]. Х. Уэйд обращает внимание на риск разлучения детей с родителями в условиях бедности и жилищной нестабильности [30, р. 872 – 884]. Эти позиции особенно важны для российского стандарта: бедность, отсутствие идеального жилья или трудная жизненная ситуация не должны автоматически квалифицироваться как неспособность родителей воспитывать ребенка. Иной подход превратил бы социальное государство в механизм санкционирования социальной уязвимости.

Из зарубежных подходов для России могут быть восприняты не институциональные формы, а правовые технологии: ранняя оценка риска, план помощи семье, участие семейной сети, учет мнения ребенка, регулярный пересмотр ситуации, доказательная мотивировка, судебная проверяемость. Российский стандарт должен сохранить конституционную защиту семьи и детства, но при этом не допустить ни административного произвола, ни бездействия публичной власти.

Российский стандарт семейносохранительной оценки наилучших интересов ребенка

Российский стандарт семейносохранительной оценки наилучших интересов ребенка органами опеки и попечительства может быть определен как система юридически значимых критериев и процедур, посредством которых орган опеки при выявлении семейного неблагополучия, подготовке заключения для суда либо принятии иного решения, затрагивающего ребенка, устанавливает фактический уровень риска, оценивает возможность сохранения ребенка в семье или родственной среде, проверяет менее ограничитель-

ные меры защиты и мотивирует, почему избранное решение является необходимым, соразмерным и соответствующим долгосрочным интересам ребенка. Данный стандарт не подменяет судебное усмотрение и не освобождает суд от самостоятельной оценки доказательств, но задает для органа опеки обязательную логику профессиональной оценки, без которой заключение не может выполнять полноценную гарантийную функцию.

Такой стандарт имеет конституционно-ценностное, оценочное и процедурно-доказательственное измерение. Конституционно-ценностное измерение связано с тем, что орган опеки действует в сфере защиты семьи, детства, достоинства личности, безопасности ребенка и судебной защиты. Оценочное измерение выражается в тесте наилучших интересов ребенка. Процедурно-доказательственное измерение воплощается в требованиях к мотивированному заключению, проверке альтернатив и разному уровню доказанности для разных мер вмешательства.

Наилучшие интересы ребенка не должны восприниматься как открытая формула, позволяющая органу опеки или суду обосновать любое решение. Напротив, это предел усмотрения. Ссылка на интересы ребенка без анализа фактов, рисков, альтернатив и долгосрочных последствий не может считаться достаточной мотивировкой. Интересы ребенка должны оцениваться через безопасность, устойчивость семейной среды, наличие или отсутствие насилия, качество ухода, эмоциональную привязанность, мнение ребенка, состояние здоровья, образовательные условия, возможность помощи семье и последствия каждого возможного решения.

В этом смысле наилучшие интересы ребенка являются не основанием для расширения усмотрения органа опеки, а пределом такого усмотрения. Ссылка на интересы ребенка без анализа конкретных обстоятельств, источников риска, семейных связей, мнения ребенка, доступных мер поддержки и долгосрочных последствий решения должна рассматриваться как недостаточная. Чем более существенным является вмешательство в семейную автономию, тем более развернутой должна быть оценка того, почему именно такая мера отвечает интересам конкретного ребенка.

Особое значение имеет вопрос о семейных связях. Семья для ребенка представляет не только юридическую конструкцию, но и пространство идентичности, привязанности, памяти, ежедневного ухода и эмоциональной устойчивости. Разлучение ребенка с семьей изменяет не только место проживания, но и его жизненную траекторию. Поэтому оно допустимо только тогда, когда

сохранение ребенка в семье противоречит его безопасности или когда менее ограничительные меры объективно не способны защитить ребенка.

При этом семейносохранительный стандарт не означает сохранение ребенка в опасной семье. Он не может использоваться для оправдания насилия, жестокого обращения, грубого пренебрежения, сексуального насилия, систематического унижения или иных форм вреда. Безопасность ребенка имеет приоритет. Однако при отсутствии непосредственной угрозы орган опеки обязан оценить, возможно ли устранить риск без разлучения ребенка с родителями: через социальную помощь, психологическую поддержку, лечение зависимости, участие родственников, временный план безопасности, межведомственное сопровождение, контроль исполнения рекомендаций.

Ключевой юридической формой реализации стандарта становится мотивированное заключение органа опеки. Оно должно быть не описанием бытовых условий и не административным выводом о «благополучии» или «неблагополучии» семьи, а профессиональным правозащитным документом, раскрывающим фактическую, оценочную и прогностическую основу позиции органа опеки. Его структура должна позволять суду и участникам процесса увидеть, какие факты установлены, какие источники информации использованы, каким образом выяснялось мнение ребенка, как оценены родительское поведение, семейные связи, привязанности и риски, какие семейносохранительные альтернативы проверены и почему предложенная мера признается необходимой.

Формула такого заключения может быть выражена следующим образом: фактические обстоятельства должны вести к оценке риска, оценка риска – к анализу влияния на ребенка, анализ влияния – к проверке семейносохранительных альтернатив, проверка альтернатив – к мотивированному выводу о достаточности или недостаточности менее ограничительных мер, а итоговый вывод – к предлагаемой мере, сроку пересмотра и способу контроля. Эта формула не должна превращаться в механический шаблон. Ее значение состоит в том, чтобы исключить произвольный скачок от общего впечатления о семье к жесткому решению.

Не менее важен стандарт доказанности. Разные меры вмешательства требуют разной степени подтвержденности риска. Чем глубже вмешательство в семейную автономию, тем выше должны быть требования к доказательственной базе и мотивировке.

Семейносохранительный стандарт предполагает различный уровень доказанности в зависи-

мости от интенсивности вмешательства в семейную автономию. Для начала профилактического сопровождения семьи достаточно подтвержденных признаков риска, свидетельствующих о возможном неблагополучии, но не указывающих на непосредственную угрозу ребенку. Для интенсивного межведомственного сопровождения необходимы устойчивые факты семейного неблагополучия, уже влияющие на положение ребенка и требующие согласованных действий органов и организаций системы профилактики. Ограничение отдельных проявлений семейной автономии допустимо только тогда, когда установлено, что обычные меры помощи не устраняют риск для ребенка. Экстренное отобрание ребенка возможно лишь при наличии непосредственной, реальной и подтвержденной угрозы его жизни или здоровью. Лишение родительских прав как наиболее жесткая мера семейно-правового воздействия требует доказанного виновного поведения родителей и невозможности обеспечить защиту ребенка менее ограничительными средствами.

Такой подход позволяет разграничить помощь, сопровождение и принуждение. Ранняя поддержка семьи не должна требовать столь же высокого стандарта доказанности, как лишение родительских прав, иначе публичная власть будет реагировать слишком поздно. В то же время крайние меры вмешательства не могут основываться на тех же основаниях, что и профилактическая работа, поскольку это разрушало бы принцип соразмерности и создавало бы риск произвольного разлучения ребенка с семьей. Чем глубже вмешательство органа опеки в семейную жизнь, тем более убедительными должны быть фактические основания, тем подробнее должна быть мотивировка и тем доступнее должна быть судебная проверка принятого решения.

Российский стандарт семейносохранительной оценки должен специально учитывать проблему бедности и иной социальной уязвимости семьи. Низкий доход, жилищная нестабильность, отсутствие идеальных бытовых условий или трудная жизненная ситуация могут создавать риски для ребенка, но сами по себе не доказывают родительскую несостоятельность. Если государство признает себя социальным, оно должно отвечать на такие обстоятельства прежде всего мерами поддержки, а не автоматическим разлучением ребенка с родителями. Орган опеки должен различать опасность для ребенка и социальную нуждаемость семьи. Подмена этих категорий противоречит семейносохранительной логике и может привести к тому, что социальное сиротство будет не предупреждаться, а воспроизводиться публичной властью.

Пределы реализации семейносохранительной направленности

Семейносохранительная направленность полномочий органов опеки имеет пределы, без которых она может быть искажена. Ее нельзя понимать как требование сохранять ребенка в семье независимо от обстоятельств. Такая интерпретация нарушала бы права ребенка и превращала бы семью в неприкосновенную сферу даже при наличии насилия или пренебрежения. Семейносохранительная политика допустима только как политика сохранения безопасной семейной среды.

Пределы реализации семейносохранительной направленности определяются законностью, необходимостью, соразмерностью, индивидуализацией и судебной проверяемостью. Законность требует, чтобы орган опеки действовал в пределах компетенции и установленной процедуры. Необходимость предполагает наличие фактических оснований для вмешательства. Соразмерность требует выбора меры, соответствующей тяжести риска. Индивидуализация исключает шаблонные решения. Судебная проверяемость делает административное усмотрение подконтрольным праву.

Особое значение имеет мотивированность. В семейных делах мотивировка выполняет не только процессуальную, но и конституционную функцию. Она позволяет родителям понять основания вмешательства, ребенку – быть не объектом административного решения, суду – проверить факты и логику органа опеки, обществу – видеть, что защита детства не превращается в произвол. Недостаточно написать, что решение принято «в интересах ребенка». Необходимо показать, в чем именно состоят эти интересы применительно к конкретному ребенку и почему выбранная мера отвечает им лучше, чем иные возможные меры.

Семейносохранительная политика должна также учитывать организационные изменения публичной власти. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» формирует новую рамку взаимодействия муниципального уровня и государственной власти [9]. В сфере опеки и попечительства это требует особенно осторожной оценки организационных моделей, поскольку полномочия органов опеки имеют конституционное значение и затрагивают равенство гарантий защиты ребенка на всей территории Российской Федерации. Региональная специфика организации органов опеки допустима, однако базовые стандарты оценки риска, мотивированного заклю-

чения и межведомственного сопровождения не должны существенно различаться в зависимости от субъекта Российской Федерации.

В этом контексте Концепция № 1217-р приобретает особое значение. Она задает направление реформирования, связанное с изменением структуры органов опеки, определением перечня полномочий, типовыми регламентами межведомственного взаимодействия, развитием квалификации специалистов и повышением качества деятельности [8]. Однако сама Концепция нуждается в доктринальном наполнении. Семейносохранительный стандарт может выступить научной основой, связывающей организационное реформирование органов опеки с конституционно-правовым смыслом защиты ребенка.

Особая осторожность требуется при обследовании условий жизни семьи. Такая мера необходима для оценки положения ребенка, однако неизбежно затрагивает сферу частной и семейной жизни. Поэтому обследование должно иметь ясное правовое и фактическое основание, фиксировать не только бытовые условия, но и обстоятельства, значимые для безопасности, развития и эмоционального состояния ребенка. Оно не должно превращаться в поиск формальных недостатков, унижать достоинство членов семьи или подменять правовую оценку субъективным впечатлением специалиста. Оценка семьи исключительно через уровень дохода, бытовой порядок или внешние признаки благополучия не соответствует современному пониманию наилучших интересов ребенка.

Завершающей гарантией выступает судебная проверяемость. Акты органов опеки могут быть оспорены заинтересованными лицами [4], однако эффективность такой проверки напрямую зависит от качества самого акта или заключения. Если орган опеки не раскрывает фактическую и оценочную логику решения, суд вынужден либо восполнять пробелы самостоятельно, либо фактически доверять административному выводу. Поэтому стандарт мотивированного заключения является не внутренним методическим пожеланием, а условием судебной защиты.

Направления совершенствования законодательства и правоприменения

Развитие законодательства об органах опеки и попечительства должно быть направлено не на простое увеличение объема полномочий, а на повышение качества их реализации. Расширение дискреции без стандарта может усилить риски произвольного вмешательства. Напротив, юридическая стандартизация позволяет соединить раннюю помощь семье с гарантиями прав ребенка и родителей.

Наиболее перспективным направлением является нормативная конкретизация минимального стандарта оценки наилучших интересов ребенка при участии органа опеки. Такой стандарт должен применяться при подготовке заключений по спорам о воспитании детей, ограничении и лишении родительских прав, восстановлении в родительских правах, отмене ограничения родительских прав, передаче ребенка на воспитание, определении места жительства ребенка и иных делах, где заключение органа опеки имеет существенное значение. Содержание такого стандарта должно включать оценку безопасности ребенка, характера семейных связей, устойчивости жизненной среды, мнения ребенка, состояния его здоровья, образовательных условий, эмоциональной привязанности, наличия либо отсутствия насилия, возможности менее ограничительного вмешательства и долгосрочных последствий принимаемого решения. Нормативное закрепление этих критериев позволило бы избежать декларативного употребления категории «интересы ребенка» и придать ей проверяемое юридическое содержание.

Отдельного внимания требуют требования к заключению органа опеки. Оно должно содержать фактическую основу, источники полученных сведений, оценку семейной ситуации, мнение ребенка, если оно может быть выяснено, анализ рисков, проверку семейносохранительных альтернатив, мотивировку предлагаемой меры и срок пересмотра ситуации. В этом случае заключение будет не только помогать суду, но и задавать самому органу опеки более строгую логику оценки.

Межведомственное сопровождение семьи также нуждается в более четком правовом оформлении. Семейное неблагополучие редко имеет одну причину; оно может быть связано с социальными, медицинскими, психологическими, образовательными и жилищными обстоятельствами. Поэтому орган опеки не должен действовать изолированно: защита ребенка на ранней стадии риска требует согласованной работы с органами и организациями системы профилактики. Однако координация не должна означать размывания ответственности. Нужен единый план сопровождения семьи, определение ответственного субъекта, сроки оценки результата, порядок обмена информацией и механизм пересмотра мер.

Семейносохранительный стандарт должен также быть включен в подготовку специалистов органов опеки. Нельзя требовать от органа опеки качественной оценки риска, привязанностей, семейной динамики и долгосрочных последствий решения, если специалист не обладает соответствующей квалификацией. Концепция № 1217-р справедливо указывает на необходимость повы-

шения квалификации специалистов [8]. Однако программа такой подготовки должна включать не только знание законодательства, но и навыки оценки семейного риска, коммуникации с ребенком, межведомственного взаимодействия, подготовки мотивированных заключений, понимания пределов вмешательства.

Важным направлением является развитие методических материалов, однако они не должны подменять закон. Методические рекомендации могут раскрывать способы обследования условий жизни, общения с ребенком, оценки семейной динамики, подготовки заключения и организации межведомственного сопровождения. Но базовые гарантии оценки наилучших интересов ребенка, проверки семейносохранительных альтернатив и мотивировки заключения должны иметь нормативное закрепление. Иначе семейносохранительный стандарт останется рекомендацией, зависящей от управленческой практики конкретного субъекта Российской Федерации или профессиональной позиции отдельного специалиста.

Заключение

Семейносохранительная направленность полномочий органов опеки и попечительства представляет собой самостоятельное конституционно-правовое направление реализации публичной власти. Она вытекает из обязанности государства защищать права и свободы человека, охранять семью и детство, уважать достоинство личности, обеспечивать судебную защиту и действовать соразмерно при вмешательстве в частную и семейную жизнь.

Органы опеки и попечительства не должны восприниматься только как контрольный или разрешительный механизм. Их современная роль состоит в том, чтобы быть субъектом ранней публичной защиты ребенка, способным выявить риск, инициировать помощь, координировать межведомственное сопровождение, подготовить качественное заключение для суда и обосновать необходимость вмешательства. При этом семейносохранительная политика не означает сохранение ребенка в любой семье при любых обстоятельствах. Ее содержание состоит в сохранении ребенка в безопасной семейной или родственной среде, если защита его прав возможна без разлучения.

Действующее регулирование сохраняет преимущественно реактивный характер. Наиболее определенные меры включаются в ситуациях непосредственной угрозы, утраты родительского попечения или судебного спора. Между тем промежуточная стадия семейного неблагополучия требует особого правового оформления. Именно на этой стадии государство может действовать

наиболее гуманно и эффективно: не разрушая семью, а помогая ей восстановить способность заботиться о ребенке.

Предлагаемый российский стандарт семейносохранительной оценки наилучших интересов ребенка соединяет конституционно-ценностную рамку, юридический тест наилучших интересов ребенка и стандарт мотивированного заключения органа опеки. Его практическое значение состоит в том, что он позволяет превратить общую идею защиты семьи и детства в проверяемую правовую процедуру. Орган опеки должен устанавливать факты, оценивать риски, учитывать мнение ребенка, анализировать семейные связи, проверять менее ограничительные меры, мотивировать вывод и определять порядок контроля.

Научная новизна предлагаемого подхода заключается в том, что семейносохранительная политика рассматривается не как социально-политический лозунг и не как факультативная помощь семье, а как конституционно-правовой стандарт реализации публичных полномочий. Такой стандарт ограничивает административное усмотрение, повышает качество судебной проверки и создает условия для перехода от карательно-реактивной модели к поддерживающе-профилактической модели защиты ребенка.

Содержательно такой стандарт должен изменить саму логику деятельности органов опеки. Помощь семье должна начинаться раньше, чем возникает непосредственная угроза ребенку, но любое ограничительное вмешательство должно быть строже обосновано. Ранняя профилактика и поддержка семьи не должны превращаться в административный надзор, а жесткие меры защиты ребенка не должны применяться без проверки менее ограничительных средств. Именно в этом балансе проявляется конституционно-правовое содержание семейносохранительной направленности полномочий органов опеки и попечительства.

Перспективное совершенствование законодательства должно быть связано с нормативной конкретизацией оценки наилучших интересов ребенка, установлением требований к мотивированному заключению органа опеки, развитием межведомственного сопровождения семьи, повышением квалификации специалистов и созданием единых федеральных гарантий качества деятельности органов опеки. При таком подходе органы опеки и попечительства могут быть институционально переосмыслены как субъект публичной защиты, ориентированный на сохранение ребенка в безопасной семейной среде, уважение достоинства участников семейных отношений и судебной проверяемой соразмерность вмешательства.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изм. и доп. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 03.03.2026).

[2] Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ : с изм. и доп. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102038925> (дата обращения: 11.03.2026).

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ : с изм. и доп. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239> (дата обращения: 18.03.2026).

[4] Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» : с изм. и доп. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 17. Ст. 1755. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102121401> (дата обращения: 24.03.2026).

[5] Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» : с изм. и доп. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 26. Ст. 3177. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102060520> (дата обращения: 02.04.2026).

[6] Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» : с изм. и доп. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3802. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102054607> (дата обращения: 09.04.2026).

[7] Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» : с изм. и доп. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 16.04.2026).

[8] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16.05.2025 № 1217-р «Об утверждении Концепции совершенствования деятельности органов опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202505160040> (дата обращения: 21.04.2026).

- [9] Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» : с изм. и доп. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202503200023> (дата обращения: 05.05.2026).
- [10] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 35. Ст. 4811. URL: <https://government.ru/docs/all/92699/> (дата обращения: 28.03.2026).
- [11] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.05.1998 № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» : ред. от 26.12.2017 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1998. № 7. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18980/ (дата обращения: 14.03.2026).
- [12] Нечаева А. М. Россия и ее дети: ребенок, закон, государство. М. : ИГП РАН, 2000. 239 с.
- [13] Нечаева А. М. Правовые проблемы семейного воспитания несовершеннолетних : монография. М. : Проспект, 2016. 128 с.
- [14] Михеева Л. Ю. Проблемы правового регулирования отношений в сфере опеки и попечительства : дис. ... д-ра юрид. наук. Барнаул, 2003. 405 с.
- [15] Михеева Л. Ю. Опека и попечительство: правовое регулирование. М. : Волтерс Клувер, 2004. 368 с.
- [16] Михеева Л. Ю. Опека (попечительство) как вид социальной заботы. М. : Статут, 2002. 100 с.
- [17] Летова Н. В. Правовое положение детей по законодательству Российской Федерации. М. : ИГП РАН, 2012. 199 с.
- [18] Летова Н. В. Семейный статус ребенка: проблемы теории и практики. М. : Проспект, 2018. 144 с.
- [19] Летова Н. В., Чучаев А. И. Семья и дети как российские традиционные ценности: социальные и правовые аспекты : монография. М. : Проспект, 2025. 175 с.
- [20] Якушев П. А. Традиционные ценности в механизме правового регулирования семейных отношений в России и странах Европы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 527 с.
- [21] Якушев П. А. Споры о детях: традиционные ценности и судебная практика : монография. М. : Проспект, 2018. 139 с.
- [22] Тарусина Н. Н. Семейное право: очерки из классики и модерна : монография. Ярославль : ЯрГУ, 2009. 616 с.
- [23] Тарусина Н. Н. Семейное право: в «оркестровке» суверенности и судебного усмотрения : монография. М. : Проспект, 2014. 281 с.
- [24] United Nations. Guidelines for the Alternative Care of Children : resolution adopted by the General Assembly, A/RES/64/142, 18 December 2009. URL: https://digitallibrary.un.org/record/673583/files/A_RES_64_142-EN.pdf (дата обращения: 01.03.2026).
- [25] UNICEF. Child Protection Strategy 2021–2030. New York : UNICEF, 2021. URL: <https://www.unicef.org/media/104416/file/Child-Protection-Strategy-2021.pdf> (дата обращения: 06.03.2026).
- [26] Department for Education. Working Together to Safeguard Children 2026: A guide to multi-agency working to help, protect and promote the welfare of children. London, 2026. 173 p. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/69fb1c28d0e316a40f269a5b/Working_together_to_safeguard_children_2026_a_guide_to_multi_agency_working.pdf (дата обращения: 20.03.2026).
- [27] Family First Prevention Services Act – P.L. 115-123 // Child Welfare Information Gateway. 2018. URL: <https://www.childwelfare.gov/resources/family-first-prevention-services-act-pl-115-123/> (дата обращения: 31.03.2026).
- [28] Cantwell N., Davidson J., Elsley S., Milligan I., Quinn N. Moving Forward: Implementing the Guidelines for the Alternative Care of Children. Glasgow : Centre for Excellence for Looked After Children in Scotland, 2012. URL: <https://www.relaf.org/materiales/Moving-forward-implementing-the-guidelines-ENG.pdf> (дата обращения: 07.04.2026).
- [29] Waldfogel J. Prevention and the Child Protection System // The Future of Children. 2009. Vol. 19. No. 2. P. 195–210. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ856322.pdf> (дата обращения: 12.04.2026).
- [30] Wade H. E. Preserving the Families of Homeless and Housing-Insecure Parents // The George Washington Law Review. 2018. Vol. 86. No. 3. P. 869–921. URL: <https://www.gwlr.org/wp-content/uploads/2018/07/86-Geo.-Wash.-L.-Rev.-869.pdf> (дата обращения: 19.04.2026).
- [31] Roberts D. E. Child Welfare and Civil Rights // University of Illinois Law Review. 2003. Vol. 2003. No. 1. P. 171–182. URL: <https://illinoislawreview.org/wp-content/ilr-content/articles/2003/1/Roberts.pdf> (дата обращения: 27.04.2026).
- [32] Boele-Woelki K., Braat B., Curry-Sumner I. European Family Law in Action. Vol. III: Parental Responsibilities. Antwerp: Intersentia, 2005. URL:

https://assets.budh.nl/open_access/fenr/boeken/european_family_law_in_action.pdf (дата обращения: 04.05.2026).

[33] Abela A. et al. Child and Family Support Policies Across Europe: National Reports from 27 Countries. EurofamNet, 2021. URL: https://eurofamnet.eu/system/files/wg2_childandfamilysupportpoliciesacrosseurope_2.pdf (дата обращения: 25.04.2026).

[34] Опубликованы данные за 2025 год о выявлении и устройстве детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка : официальный сайт. 2026. URL: <https://deti.gov.ru/Press-Centr/news/1720> (дата обращения: 30.04.2026).

[35] Судебная статистика Российской Федерации. Гражданское судопроизводство. Показатели по отдельным категориям дел за 2024 год // Агентство правовой информации. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/regionstats/gr/t/22/s/0> (дата обращения: 05.05.2026).

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote 12.12.1993: rev. and add.// Official Internet portal of legal information. URL: <https://pravo.gov.ru/constitution/> (access date: 03.03.2026).

[2] Family Code of the Russian Federation of 29.12.1995 No. 223-FZ: as amended//Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. № 1. Art. 16. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102038925> (access date: 11.03.2026).

[3] Civil Code of the Russian Federation. Part One dated 30.11.1994 No. 51-FZ: as amended//Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239> (access date: 18.03.2026).

[4] Federal Law of 24.04.2008 No. 48-FZ "On Guardianship and Guardianship": as amended and supplemented//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2008. № 17. Art. 1755. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102121401> (access date: 24.03.2026).

[5] Federal Law of 24.06.1999 No. 120-FZ "On the Basics of the System for the Prevention of Neglect and Juvenile Delinquency": amended and supplemented//Collection of Legislation of the Russian Federation. 1999. № 26. Art. 3177. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102060520> (access date: 02.04.2026).

[6] Federal Law No. 24.07.1998 of 124-FZ "On Basic Guarantees of the Rights of the Child in the Russian Federation": as amended and supple-

mented//Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. № 31. Art. 3802. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102054607> (access date: 09.04.2026).

[7] Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 No. 809 "On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values": rev. and add.//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2022. № 46. Art. 7977. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (access date: 16.04.2026).

[8] Order of the Government of the Russian Federation of 16.05.2025 No. 1217-r "On approval of the Concept for improving the activities of guardianship and guardianship authorities in relation to minor citizens" //Official Internet portal of legal information. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202505160040> (access date: 21.04.2026).

[9] Federal Law of 20.03.2025 No. 33-FZ "On General Principles of Organization of Local Self-Government in a Unified System of Public Authority": as amended and supplemented//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2025. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202503200023> (access date: 05.05.2026).

[10] Order of the Government of the Russian Federation of 25.08.2014 No. 1618-r "On Approval of the Concept of State Family Policy in the Russian Federation for the Period until 2025" //Collection of Legislation of the Russian Federation. 2014. № 35. Art. 4811. URL: <https://government.ru/docs/all/92699/> (access date: 28.03.2026).

[11] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.05.1998 No. 10 "On the application of legislation by the courts in resolving disputes related to the upbringing of children": ed. 26.12.2017 //Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 1998. № 7. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18980/ (access date: 14.03.2026).

[12] Nechaeva A.M. Russia and her children: child, law, state. M.: IGP RAS, 2000. 239 pp.

[13] Nechaeva A.M. Legal problems of family education of minors: monograph. M.: Prospect, 2016. 128 s.

[14] Mikheeva L. Yu. Problems of legal regulation of relations in the field of guardianship and guardianship: dis.... Dr. Jurid. sciences. Barnaul, 2003. 405 p.

[15] Mikheeva L. Yu. Guardianship: legal regulation. M.: Wolters Kluwer, 2004. 368 pp.

[16] Mikheeva L. Yu. Guardianship (guardianship) as a type of social care. M.: Statute, 2002. 100 s.

- [17] N.V. Letova. Legal status of children under the legislation of the Russian Federation. M.: IGP RAS, 2012. 199 pp.
- [18] N.V. Letova. Family status of a child: problems of theory and practice. M.: Prospect, 2018. 144 p.
- [19] Letova N.V., Chuchaev A.I. Family and children as Russian traditional values: social and legal aspects: monograph. M.: Prospect, 2025. 175 p.
- [20] Yakushev P. A. Traditional values in the mechanism of legal regulation of family relations in Russia and European countries: dis.... Dr. Jurid. sciences. M., 2021. 527 p.
- [21] Yakushev P. A. Disputes about children: traditional values and judicial practice: monograph. M.: Prospect, 2018. 139 pp.
- [22] Tarusina N. N. Family law: essays from classics and Art Nouveau: monograph. Yaroslavl: Yargu, 2009. 616 p.
- [23] Tarusina N. N. Family law: in the "orchestration" of sovereignty and judicial discretion: monograph. M.: Prospect, 2014. 281 pp.
- [24] United Nations. Guidelines for the Alternative Care of Children : resolution adopted by the General Assembly, A/RES/64/142, 18 December 2009. URL: https://digitallibrary.un.org/record/673583/files/A_RES_64_142-EN.pdf (access date: 01.03.2026).
- [25] UNICEF. Child Protection Strategy 2021–2030. New York : UNICEF, 2021. URL: <https://www.unicef.org/media/104416/file/Child-Protection-Strategy-2021.pdf> (access date: 06.03.2026).
- [26] Department for Education. Working Together to Safeguard Children 2026: A guide to multi-agency working to help, protect and promote the welfare of children. London, 2026. 173 p. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/69fb-1c28d0e316a40f269a5b/Working_together_to_safeguard_children_2026_a_guide_to_multi_agency_working.pdf (дата обращения: 20.03.2026).
- [27] Family First Prevention Services Act – P.L. 115-123 // Child Welfare Information Gateway. 2018. URL: <https://www.childwelfare.gov/resources/family-first-prevention-services-act-pl-115-123/> (дата обращения: 31.03.2026).
- [28] Cantwell N., Davidson J., Elsley S., Milligan I., Quinn N. Moving Forward: Implementing the Guidelines for the Alternative Care of Children. Glasgow : Centre for Excellence for Looked After Children in Scotland, 2012. URL: <https://www.relaf.org/materials/Moving-forward-implementing-the-guidelines-ENG.pdf> (дата обращения: 07.04.2026).
- [29] Waldfogel J. Prevention and the Child Protection System // The Future of Children. 2009. Vol. 19. No. 2. P. 195–210. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ856322.pdf> (access date: 12.04.2026).
- [30] Wade H. E. Preserving the Families of Homeless and Housing-Insecure Parents // The George Washington Law Review. 2018. Vol. 86. No. 3. P. 869–921. URL: <https://www.gwlr.org/wp-content/uploads/2018/07/86-Geo.-Wash.-L.-Rev.-869.pdf> (access date: 19.04.2026).
- [31] Roberts D. E. Child Welfare and Civil Rights // University of Illinois Law Review. 2003. Vol. 2003. No. 1. P. 171–182. URL: <https://illinoislawreview.org/wp-content/ilr-content/articles/2003/1/Roberts.pdf> (дата обращения: 27.04.2026).
- [32] Boele-Woelki K., Braat B., Curry-Sumner I. European Family Law in Action. Vol. III: Parental Responsibilities. Antwerp: Intersentia, 2005. URL: https://assets.budh.nl/open_access/fenr/boeken/european_family_law_in_action.pdf (дата обращения: 04.05.2026).
- [33] Abela A. et al. Child and Family Support Policies Across Europe: National Reports from 27 Countries. EurofamNet, 2021. URL: https://eurofamnet.eu/system/files/wg2_childandfamilysupport-policiesacrosseurope_2.pdf (дата обращения: 25.04.2026).
- [34] Published data for 2025 on the identification and placement of orphans and children left without parental care//Presidential Commissioner for Children's Rights: official website. 2026. URL: <https://deti.gov.ru/Press-Centr/news/1720> (access date: 30.04.2026).
- [35] Judicial statistics of the Russian Federation. Civil proceedings. Indicators for certain categories of cases for 2024//Legal Information Agency. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/region-stats/gr/t/22/s/0> (Accessed: 05.05.2026).

